

отношении дальнейшей модернизации оборудования и замены комплектующих материалов. Кроме того, обострились проблемы материально-бытового плана, был урезан фонд заработной платы, сокращен штат сотрудников, упразднена должность старшего инженера. Но станция продолжала и продолжает работать и по сей день, выполняя важнейшую функцию обеспечения радиосвязью Урала и России, являясь, таким образом, незаменимым объектом федерального значения на Урале.

Примечания

¹ Справка о создании и историческом развитии радиостанции №2 Свердловского радиоцентра. 1983 г. // Текущий архив администрации МО «рабочий поселок Верхнее Дуброво».

² Справка о современном состоянии ПЦРР Уральского регионального радиочастотного центра при УрФО. 2003 г. // Текущий архив администрации МО «рабочий поселок Верхнее Дуброво».

В.Д. Камынин (УрГУ)

СОВРЕМЕННЫЕ ИСТОРИКИ О СУДЬБЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННЫМИ ПРЕДПРИЯТИЯМИ УРАЛА В 1917–1918 гг.

В современной историографии продолжает изучаться вопрос об отношении большевиков к доставшимся им по наследству органам управления промышленностью. В современной историографии пересмотрено мнение советских историков о том, что все уральские предприниматели, как и вся русская буржуазия в целом, решительно отвергали мысль о каком-либо сотрудничестве с Советским государством. В советской историографии действия горнопромышленников квалифицировались исключительно как открытый саботаж всем экономическим мероприятиям советской власти.

В работах К.Н. Бочкарева, Н.С. Корепанова, Е.Ю. Рукосуева, А.Ю. Телятникова и др. предпринимается попытка рассмотреть реорганизацию структуры данных органов в связи с изменившимися условиями и их деятельность при новой власти на основе привлечения новых источников.

В годы «перестройки» процесс ликвидации дореволюционных органов управления экономикой Урала стал оцениваться с позиций историков «нового направления». Суть этой позиции заключалась в

том, что Россия в 1917 г. находилась в процессе капиталистической модернизации, и старые органы управления экономикой Урала объективно нуждались в адаптации к новым условиям.

В работе К.Н. Бочкарева рассматривалась судьба одного из самых представительных органов дореволюционной России, просуществовавшего 39 лет, — Съезда горнопромышленников Урала после прихода к власти большевиков. По его мнению, данный орган нуждался в существенной реорганизации, ибо он «в своем развитии ориентировался на тенденции, являвшиеся следствием крепостных пережитков, что резко отличало его от иных съездовских организаций» России. «История формирования Съезда является еще одним подтверждением ленинского тезиса «оригинального строя» промышленности Урала в его противоречивом развитии». Автор далее писал, что «Октябрьская революция остановила процесс реорганизации Съездов. 1 декабря 1917 г. был арестован Н.Н. Кутлер, а 8 декабря было издано постановление о национализации акционерных предприятий Богословского горного округа. Съезды отказались признать постановления Советской власти. 11 мая 1918 г. Совет на своем заседании решал вопрос о смете на текущий год. Надо полагать, что это было последнее заседание в истории Съездов. Протоколы заседаний, достаточны полные, на этом дне прерываются»¹.

На рубеже XX–XXI вв. высказываются различные мнения о политике большевиков в отношении дореволюционных органов управления промышленностью.

В.В. Запарий просто указывает, что в ноябре 1917 г. «ликвидировались Уральское горное правление и Екатеринбургское бюро Совета съездов горнопромышленников Урала»², не вникая в подробности происшедшего. В работах других уральских исследователей можно встретить более полную информацию о взаимоотношениях этих органов с большевистским режимом.

А.Ю. Телятников пишет о том, что после Октябрьского переворота продолжали существовать некоторые дореволюционные органы управления промышленностью, такие как Особое совещание по обороне, военно-промышленные комитеты, которые были переведены в подчинение ВСНХ, который в дальнейшем провел реорганизацию их деятельности. Автор указывает на то, что только 20 декабря 1917 г. было принято постановление Президиума VII отдела ВСНХ о прекращении деятельности Особого совещания по обороне, а в марте 1918 г. создается Военно-хозяйственный совет под председательством Э.М. Склянского. По его словам, «в апреле 1918 г. постановлением

ВСНХ Военно-хозяйственный совет был реорганизован в народно-промышленный комитет, поглотив и ВПК»³.

Автор задается вопросом: «почему при отсутствии существенных различий в структуре управления, методов регулирования экономикой одна власть (царизм, Временное правительство) не смогла удержаться и была свергнута, а другая (большевики) смогли устоять?» Ответ автора заключается в том, что «консервативный аппарат управления не смог построить диалог между различными социальными группами общества, предпочитая переложить все тяготы жизни на широкие слои непривилегированного населения»⁴.

В работе Р.Ю. Рукосуева можно встретить мнение, противоположное тому, что высказывают К.Н. Бочкарев и А.Ю. Телятников. По его утверждению, в какой-либо существенной реорганизации Съезд горнопромышленников Урала не нуждался. Автор пишет, что «собираясь первоначально как представительные органы промышленников для того, чтобы коллегиально выяснять и решать проблемы, стоящие перед ними, съезды, после принятия соответствующих законодательных актов, ставятся под жесткий контроль правительства и в большинстве своем теряют представительные качества и превращаются в организации, выполняющие функции налогового и отчасти земского характера». Он считает, что «главным в деятельности съездов на Урале было формирование корпораций людей, веривших в то, что все может измениться к лучшему, для которых участие в работе съездов стало жизненно необходимым»⁵.

Н.С. Корепанов проследил судьбу Уральского горного управления после прихода к власти большевиков. Автор характеризует его как «жизнеспособный орган государственного регионального управления», «уникальную в России регионоформирующую управленческую структуру, пережившую несколько исторических эпох и сохранявшей действенность в переходные периоды»⁶. По его наблюдениям, данный орган продолжал функционировать и при большевиках, и его возглавляли в 1917 г. П.И. Егоров и в 1918–1919 гг. — А.Е. Гутт, который в начале 1918 г. провел очередную реорганизацию данного органа. Автор пишет, что «в феврале 1918 г. на базе 1-го и 2-го делопроизводств были образованы общая канцелярия, отделы бухгалтерский и финансовый, технический и организационный (из бывшего техотдела), на базе 3-го — отдел по золотому делу (национализированному). В марте в составе технического и организационного отдела выделились канцелярия с архивом и 8 отраслевых подотделов (металлургического производства, химического

производства, горнотехнический, инженерно-строительных сооружений, механико-технологический, электротехнический, сельскохозяйственного производства, горного надзора)».

Н.П. Корепанов считает, что после прихода к власти большевиков, «естественно, внутренняя структура Управления продолжала сотрясаться, пока не разрушилась в 1919 г.». Однако, автор делает вывод: «Очевидно, можно утверждать, что Уральское горное управление не умерло после 1919 г., а воплотилось в систему акционерных обществ, трестов, Уралсовнархоз и т.п.»⁷

В работах А.П. Абрамовского, В.В. Запария, В.П. Микитюка, А.Л. Филоненко достаточно подробно характеризует деятельность Уральского заводского совещания при большевиках. В.В. Запарий пишет: «В ноябре 1917 г. было реорганизовано Уральское заводское совещание, где к руководству пришли большевики. Постановлением ВСНХ республики полномочия заводского совещания распространились на Вятскую, Оренбургскую, Пермскую и Уфимскую губернию и ряд прилегающих к ним районов»⁸.

Одним из методов, позволяющих более объективно оценить процесс разрушения большевиками старых органов управления промышленностью, является более внимательное прочтение документов, раскрывающих этот процесс. Это позволило исследователям понять, почему произошел разгон рабочего бюро заводского совещания Уральского района, которое какое-то время сотрудничало с новой властью.

В.П. Микитюк приводит данные о поведении П.В. Иванова, который с приходом к власти большевиков «некоторое время продолжал работать в городской думе, заводском совещании, военно-промышленном комитете, где имел возможность тесно общаться с пролетарскими революционерами. В конце концов, он пришел к твердому убеждению: «Нельзя работать вместе с теми, кто... стоит на утопической и фантастической точке зрения и не способен к продуктивной работе». Это суждение было им высказано на одном из заседаний заводского совещания и вызвало неудовольство большевиков»⁹.

А.П. Абрамовский внимательно проанализировал документы сессии заводского совещания от 30 ноября 1917 г., на котором большевики выразили недоверие рабочему бюро заводского совещания и предложили ему к 1 декабря сложить свои полномочия. По его мнению, вмешательство большевиков в деятельность заводского совещания носило некомпетентный характер, ибо предложенные мероприятия по улучшению деятельности показались прежнему руководству заводс-

кого совещания, а также большинству представителей профсоюза инженеров и техников несбыточными, далекими от реальной жизни и «ее суровой действительности». Предлагаемые большевиками меры по упорядочению хозяйственной жизни характеризовались ими как «безграничные», «беспредельные» и «неопределенные» действия неорганизованного класса. А.П. Абрамовский по этому поводу пишет, что «рабочий класс в условиях русской жизни не в состоянии нести на себе тяжесть управления предприятиями»¹⁰.

А.Л. Филоненко указывает, что Бюро ВСНХ 23 декабря 1917 г. пришло заводское совещание Уральского района своим областным органом, который «наделался значительными полномочиями по организации хозяйства, проведению демобилизации промышленности и ее финансированию». Говоря о реорганизации этого органа, автор выдвигает другую версию реорганизации Рабочего бюро. Он считает, что преобразование Рабочего бюро Заводского совещания в Исполнительное бюро «не было простой сменой вывески. К руководству пришла имевшая свои планы инициативная группа во главе с 32-летним В.Н. Андронниковым, бывшим в это время председателем Екатеринбургского окружного и членом Уральского областного совдепа». «Не успев конституироваться, а точнее еще раньше этого, Бюро принимает важные решения (как и подготавливает аппаратным структурам, озабоченным созданием опорных пунктов на местах) о передаче функций надзора на предприятиях рабочему контролю, одновременно объявляя последние своими органами».

А.Л. Филоненко раскрывает суть замысла нового руководства Заводского совещания и обвиняет его в сепаратизме, в желании «отложиться» от Центра. Он пишет, что «у областных лидеров были свои проекты по поводу создания системы управления и организации экономической жизни на Урале. Прежде всего, речь шла о довольно быстром увеличении «народного имущества». Огосударствлению подлежали не только бывшие казенные, но и акционерные и даже частновладельческие предприятия, распоряжаться которыми должны были не в Петрограде или в Москве, а в Екатеринбурге». Именно поэтому, считает автор, III областной съезд Советов Урала «объявляет бывшие регулирующие структуры руководящими органами национализированных предприятий на правах хозяйственно-экономической секции совдепа, т.е. подчиненными не ВСНХ, а областному Совету рабочих, крестьянских и казачьих депутатов»¹¹.

Таким образом, в современной историографии можно встретить различные мнения по вопросу об отношении большевиков к дорево-

люционным органам управления уральской промышленностью. На протяжении второй половины 1980-х — первых лет XXI в. произошла значительная эволюция взглядов исследователей на данный вопрос. Особенностью современного этапа развития исторической науки является существование различных точек зрения.

Примечания

¹ Бочкарев К.И. Формирование и структура съезда уральских горнопромышленников (1880–1918) // Проблемы социально-политической истории Урала XIX — начала XX вв. Челябинск, 1991. С. 117–118

² Запарий В.В. Черная металлургия Урала XVIII–XX века. Екатеринбург, 2001. С. 215

³ Телятников А.Ю. Изменения в системе управления промышленностью в России в годы первой мировой войны // Первые уральские военно-исторические чтения. Екатеринбург, 1997. С. 47–48

⁴ Там же. С. 48

⁵ Рукоусев Р.Ю. Съезды уральских промышленников в конце XIX — начале XX в. как особая форма взаимодействия правительства и предпринимателей // Урал. ист. вестник. Екатеринбург, 2000. №5–6. С. 338.

⁶ Корепанов Н.С. Уральское горное управление в XVIII — начале XX в.: исторический опыт // Урал. ист. вестник. Екатеринбург, 1996. №3. С. 215.

⁷ Там же. С. 227–228.

⁸ Запарий В.В. Черная металлургия Урала XVIII–XX века. С. 215.

⁹ Микитюк В.П. Деятель местного самоуправления на Урале начала XX в. П.В. Иванов // Урал. ист. вестник. Екатеринбург, 1996. №3. С. 143

¹⁰ Абрамовский А.П. Становление системы управления национализированной промышленностью Урала (декабрь 1917 — май 1918 г.) // Урал в событиях 1917–1921 гг.: Актуальные проблемы изучения. Челябинск, 1999. С. 119.

¹¹ Филоненко А.Л. ВСНХ: идея и реальность. Магнитогорск, 1998. С.113, 114

Л.А. Коноплева (УрГЭУ)

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ УРАЛА В ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ИЗМЕРЕНИИ

(исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ-Урал 4-06-96-037)

Природно-ресурсные и социально-экономические условия развития на территории государства, занимающего более 17 млн кв. км безусловно весьма различны, а потому и отдельные крупные экономические районы России отличаются и своим потенциалом. Уже в первой четверти XVIII в. Урал становится основной металлургичес-